

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ
РОЗН. ПРОДАЖѢ 45 К. И НА СТ.
ЖЕЛ. ДОР. 50 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

30
1917

№ 31

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

Рис. А. Радакова.

АВГУСТЪ

С О В Ъ Т Ъ „ С А Т И Р И К О Н А „

Было бы недурно, если бы висѣлица во все стороны поворачивалась.

Рис. В. Лебедева.

Во многих горлаках на плакаты был израсходован весь запас материи и теперь приходится употреблять плакаты на платья.
(Из газет.)

— Тебѣ хорошо въ „землѣ и волѣ“ ходить — и въ люди показаться можно, а мнѣ одними долями пришлось обшиваться. Въ такомъ платьѣ, кромѣ комиссаріата, никуда и попасть-то нельзя...

СИМВОЛЪ ВЪРЬ.

I.

Во единого бога-творца,
Золотого Тельца,
Власть дающаго полною мѣрою, —
Вѣрую!

II.

Въ чудотворный процентъ,
Силу вкладовъ и рентъ,
Съ ихъ вліяній чудовищной сферою, —
Вѣрую!

III.

Въ благородный металлъ,
Во святой капиталъ,
Возносящій надъ участью сѣрою, —
Вѣрую!

IV.

Во пророковъ его,
Ихъ идей торжество,
Окрыляемый пламенной вѣрою, —
Вѣрую!

V.

Обѣщаюсь идти
По святому пути,
Не смущаемъ иною карьерою...
Вѣрую!

Василій Князевъ.

КРУГЪ ПАНИКИ.

— Алло! Кто у телефона? Это ты, Шумачевъ? Здравствуй. Неужели не узнаешь, — это я, Сергѣй Петровичъ. Что сегодня дѣлаешь вечеромъ?

— Ничего. А ты?

— Тоже. Поѣдемъ къ Путягинымъ. Только пораньше вернемся, а то ѣхать по окраинамъ не хочется ночью... Тамъ хулигановъ много...

— Да, что ты?

— Право. Кажется, тамъ, что ли, третьяго дня женщину зарѣзали...

— Здорово... Ну, значить, ѣдемъ... Пока...

— Это вы, Анюта? Здравствуйте. Это Шумачевъ. Что подѣлываете...

— Мерси. А вы?

— Да, ничего особеннаго. Сейчасъ Сережа звонилъ, рассказывалъ, что на окраинахъ женщинъ вырѣзывать начали...

— Что вы говорите?... А у меня шуринокъ на службу ушелъ...

— Да вѣдь я же говорю, — женщинъ и на окраинахъ...

— Ну, да... Развѣ теперь толпа разбираетъ, гдѣ окраина и кто женщина... Вы меня ужасно испугали... У меня дѣти въ Саратовѣ, а здѣсь такой ужасъ...

* * *

— Ксенія Петровна! Вы дома? Какое счастье... Вы знаете, окраины идутъ.

— Неужели? Какой ужасъ... И много ихъ?

— Очень много. И всѣ идутъ. Сначала женщинъ рѣжутъ.

— А мужчинъ?

— Мужчинъ потомъ, должно быть... Развѣ эти люди что-нибудь понимаютъ въ вѣжливости...

— И не говорите. Вчера сажусь въ трамвай и вдругъ...

* * *

— Будьте добры, попросите къ телефону... Ахъ, это ты, Колечка... Я такъ волнуюсь, что не узнала...

— Опять на службу звонишь? Сколько разъ я тебѣ говорилъ...

— Онъ еще сердится... Я уже думала, что и службы твоей нѣтъ, что все зданіе выгорѣло, телефонъ перерѣзанъ...

— Телефонъ? Перерѣзанъ? Кто тебѣ сказалъ?..

— Нюточка. А ей какая-то женщина съ окраины...

— Ну?

— Очень много женщинъ. Потомъ мужчинъ... Пожалуйста, побереги себя...

* * *

— Господа, мнѣ сейчасъ жена звонила, что въ городѣ ужасъ... На окраинахъ женщины рѣжутъ телефонные провода, мужчины жгутъ мѣста службы... Положеніе безвыходное...

— Нужно будетъ въ какую-нибудь редакцію позвонить, тамъ навѣрное знаютъ...

— Иванъ Сергѣевичъ, пожалуйста...

* * *

— Это редакция? Я очень извиняюсь. Съ вами говорятъ изъ министерства... У васъ нѣтъ свѣдѣній о начавшейся стрѣльбѣ и погромѣ на одной изъ окраинъ?

— Одну минуту... Сейчас... Ширкинъ! Это долго будетъ продолжаться? Уже изъ министерства звонятъ по поводу волнений во всемъ городѣ, а вы хоть бы строчку дали... Сейчас же дайте. Опытный репортеръ обязанъ...

* * *

— Алло! Это ты, Сергѣй Петровичъ? Это я, — Шумачевъ.

— Что тебѣ?

— Да я насчетъ поѣздки сегодняшней. Не поѣду я, братъ. Въ городѣ ужасъ, что дѣлается.

— А что?

— Да, волненія, стрѣльба. Развѣ не читалъ вечернихъ?

— То-то мнѣ поворили...

— Еще бы. И по городу такіе слухи. Ну, прощай. Лучше не выходи, сиди дома...

* * *

— Сколько это времени, Леночка? Восемь минутъ десятаго? Ну, значить, сегодня Шумачевъ съ Сережей не придутъ...

— Я такъ и думала. Говорятъ въ городѣ, — ужасъ...

— Ага, вотъ видишь... А когда я третьяго дня за чаемъ говорилъ, что Россія погибла, — кто со мной спорилъ?..

Арк. Буховъ.

ВЕГЕТАРИАНЕЦЪ.

Онъ былъ давно любовникомъ науки.
На кафедрѣ упорно тридцать лѣтъ
Просиживалъ онъ прорванные брюки
Во имя мысли царственныхъ побѣдъ.

Какъ садоводъ растилъ въ душѣ студента
Гуманности благія сѣмена.
Трещалъ языкъ, вертѣлась быстро лента,
Исторіи вѣщали письма.

Онъ былъ знатокъ, цѣнитель ренессанса,
Любилъ людей и ненавидѣлъ кровь,
Служилъ романтикѣ, какъ Санчо Панса,
И въ золотыхъ очкахъ жила любовь.

Славянская возвышенная раса
Имѣла въ немъ безстрашнаго борца,
Какъ голубь чистъ, не ѣлъ яицъ и мяса,
Но не терялъ прекрасный цвѣтъ лица.

Стоналъ подъ гнетомъ царскаго режима,
На кафедрѣ точилъ завѣтный мечъ,
Какъ всѣ крутомъ, онъ жаждалъ серафима
И трепетно читалъ пророческую «Рѣчь».

Пронесся шкваль по улицамъ столицы,
Забилъ сердце радостную дробь,
Глаза увидѣли волшебныя страницы,
Была услышана годовъ безцѣльныхъ скорбь.

Завѣты вспомнивъ матери-науки,
Не одобряя жуткаго пути,
Онъ протянулъ въ мольбѣ прогрессу руки
И эволюцію просилъ придти.

Впился топоръ и завизжали пилы,
Гнилыя бревна падали въ огнь...
Шли изъ земли неслыханныя силы,
Быль крѣпокъ хмѣль въ нецѣженномъ винѣ.

Душа профессора огню не рада—
Такъ мало создано у насъ, увы,
Въ пыли и мерзости, въ дыму распада
Намъ не спасти позорной половы...

Профессоръ заряженъ, дымится порохъ,
И на умѣ спаситель Кавеньякъ,

Хранить душа «Рѣчи» печатной ворохъ,
Приемлетъ бой ученый маниакъ.

Славянская возвышенная раса
Имѣетъ въ немъ безстрашнаго борца,
Профессоръ чистъ, не ѣстъ яицъ и мяса,
Но жаждетъ крови, крови безъ конца...

Идетъ исторія, и, отменяя разомъ
Вцѣпившихся руками въ колесо,
Вѣнчаетъ вѣкъ божественнымъ экстазомъ
И пьетъ годовъ пьянящій «кюрассо»...

Александръ Флитъ.

Х Р А П К И Н Ъ.

Храпкинъ необычайно егозливъ. Онъ много говоритъ, при этомъ брызжетъ слюной, обрываетъ пуговицы пиджака собесѣдника, кричитъ, какъ извозчикъ, и божится, какъ ярмарочный цыганъ. Я не люблю его. Онъ внушаетъ мнѣ отвращеніе.

Иногда я презираю его; иногда мнѣ хочется подыскать массивный канделябръ и сблать Храпкину трепанацію черепа. Но иногда мнѣ становится страшно: когда я начинаю думать, что Храпкинъ не одинокъ, и что между 34°, 39' и 76° 39' сѣверной широты существуютъ и вертятся тысячи Храпкиныхъ. Въ такія минуты мнѣ страшно, — и если бы я умѣлъ молиться, я забѣжалъ бы въ первый попавшійся храмъ любого вѣроисповѣданія, вплоть до индійской пагоды или китайской кумирни.

* * *

Храпкинъ цѣлый день гуляетъ по Невскому. Онъ веселъ, оживленъ и необычайно potentъ.

— А, старый убійца!—привѣтствуетъ онъ меня,—опять пишете очередную клевету?

— Я этимъ не занимаюсь, — скромно отвѣчаю я.

— Врите больше! — прохочетъ потный мужчина, — знаемъ ваши штуки! Николая хотите вернуть? Вы не думайте, Храпкинъ отлично понимаетъ ваши контръ-революціонныя фигли-мигли. Сознайтесь, вы хотите царя?

— Храпкинъ, перестаньте молоть вздоръ. Я ненавижу монархію не меньше вашего, и вся разница между нами только въ томъ, что при царѣ я писалъ изуродованныя цензурой статьи, а вы продавали аллюминій...

— Глупости! вы отсталый человекъ и плететесь въ хвостъ эгоистическаго буржуазіата...

Мнѣ скучно. Почему Храпкинъ еще не умеръ?

— Храпкинъ, я отсталый человекъ, а вотъ вы краса и гордость русской революціи, — объясните мнѣ, почему вы такъ веселы?

— А вы пессимистъ. Вы даже не пессимистъ, а настоящій Милоковъ! Я смотрю розово на будущее. Я вѣрю, что революціонная демократія заставитъ замолчать шипящую гидру реакціи, приподымающую свою голову. Организованная демократія, углубляя классовую борьбу...

— Уйдите!

— Углубляя классовую борьбу и базируясь на совѣтахъ рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и батрацкихъ депутатовъ...

Я попрощался съ Храпкинымъ.

На-дняхъ я снова встрѣтилъ его.

— Слушайте, — закричалъ Храпкинъ, — я поступаю на курсы агитаторовъ, ѣду въ провинцію...

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Буржуазная пресса, тайно надбьющаяся на реставрацію, фальсифицируетъ подлинный голосъ революціонной демократіи, требуя Дарданелль.

— Храпкинъ, вы знаете, что такое Дарданелль?

— Конечно, знаю... это синдикатъ банкировъ, имѣющій своею цѣлью эксплуатацію воднаго транспорта при помощи империалистическихъ рынковъ... Буржуазія жаждетъ диктатуры и мечтаетъ о Кавеньякѣ.

— Храпкинъ, вы знаете, что такое Кавеньякъ?

— Конечно: организованный саботажъ, направленный къ угнетенію фабричнаго пролетаріата.

— Слушайте, — закричалъ я, — почему

Рис. Ре-ми.

„Циркуляромъ воен. мин. рѣшено
перевидѣльствовать для строевой
службы служащихъ Краснаго Креста“.
(Изъ газетъ.)

— Ну не варварская ли это страна — Россія! Въ ней даже со знакомъ Краснаго Креста не считаются.

вы, Храпкинь, который еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ торговалъ аллюминіемъ и занимался страховкой не то лошадей, не то коровъ отъ какихъ-то эпидемій, — почему вы намѣрены бороться съ буржуазіей?

— Оставьте! вы смѣшите мнѣ лысину. Всякій сознательный индивидъ, стремящійся къ соціальному прогрессу, неизменно долженъ вступить въ стройные ряды международного социализма...

— Виновать, Храпкинь, одинъ маленькій вопросъ, — вы попрежнему занимаетесь продажей и страховкой?

— Ну, вотъ, — типичный клеветнической подходъ контръ-революціонной буржуазіи. Поймите, что принадлежность къ классу основана только на классовомъ самосознаніи.

— А у васъ есть это самосознаніе?

— Еще бы! Цѣлый вагонъ!

— Ну, прощайте. Я спѣшу.

* * *

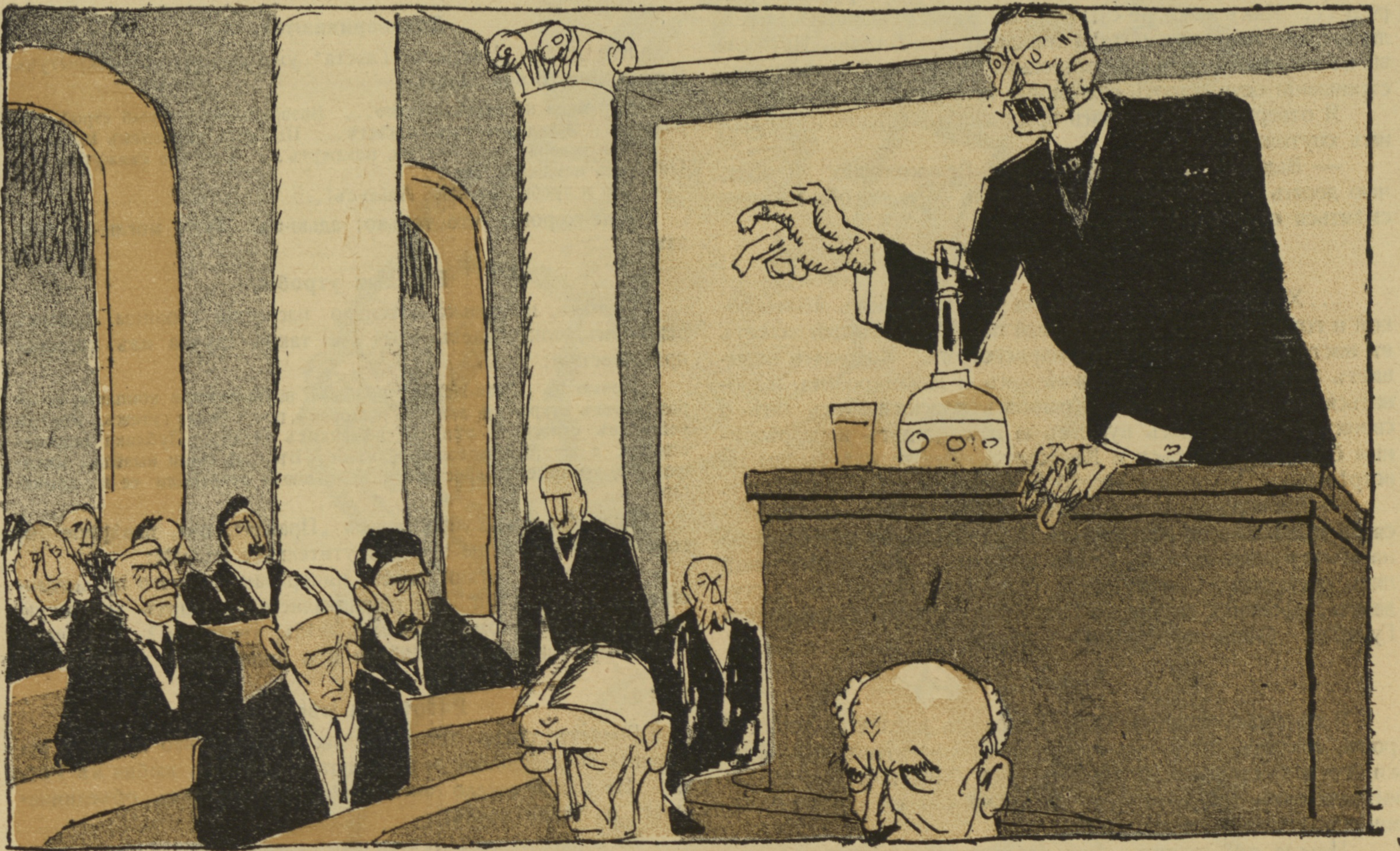
На прошлой недѣлѣ я встрѣтилъ Храпкина въ кафѣ. Онъ горячо убѣждалъ какого-то фармацевта.

— Понимаете? — вы посылаете грузъ франко Владивостокъ, сифъ. Сифъ, — это значитъ на борту парохода. А я страхую этотъ грузъ, и общество «Уриналь и пламя» выдастъ мнѣ десять процентовъ комиссіонныхъ. Я беру себѣ семь, вамъ даю три, и вы можете танцовать на головѣ...

Храпкинь увидѣлъ меня и разрѣшился громовой тирадой.

РАЗНИЦА ПОЛОЖЕНИЙ.

Рис. Б. Антоновскаго.

Люди, которые стоят за миръ.

Люди, которые лежат за миръ.

— Вотъ, желчный буржуй! Я уже кончил курсы агитаторовъ, и на зло всѣмъ вашимъ контръ-революціонерамъ уѣзжаю агитировать въ деревню. Вся земля всему трудовому народу. Понимаете? Вся земля всему трудовому народу... Какъ вамъ не стыдно, вы кажется человекъ интеллигентный, навѣрное читали Минье и Луи-Блана. Неужели вы не понимаете, что революціонный пролетаріатъ въ своемъ стремленіи осуществить священные принципы народовластія...

Я отвернулся; Храпкинъ продолжалъ бесѣдовать со своимъ спутникомъ.

— Вамъ подходитъ это дѣло? Великолѣпно. Я получаю десять процентовъ, вамъ даю три, — и мы оба можемъ смѣяться себѣ въ кишки.

* * *

... Храпкинъ ловить меня на улицѣ, обдаётъ меня слюной и говоритъ, что только самый послѣдній негодяй можетъ въ настоящее время не быть марксистомъ. Храпкинъ называетъ меня контръ-революціонеромъ и даже грозитъ жаловаться въ комиссаріатъ. Храпкинъ разсказываетъ мнѣ о своихъ агитаторскихъ курсахъ и показываетъ неразрѣзанныя брошюры Энгельса и Каутскаго. Всюду, гдѣ бы мы ни встрѣтились, Храпкинъ весело хохочетъ и громко кричитъ.

— Вы видѣли этого человека? Онъ смѣетъ сомнѣваться въ правильности марксизма! Крокодилъ, ѣдемте со мной на агитаторскіе курсы! Очень интересно. Въ моей пруппѣ пять прекрасныхъ товарищей: братья Модеполанники, студентъ Лафонскій, акушерка Пузикъ и вольноопредѣляющійся Гукайло. Очень интересно! ѣдемъ?

* * *

Я не знаю, можетъ быть Храпкинъ сдѣлается министромъ, можетъ быть его изберутъ президентомъ республики; но мнѣ страшно. Впрочемъ, — я буржуй и испуганный интеллигентъ, а Храпкинъ — со всѣми своими аллюминіевыми гешефтами, — пролетарій.

Иногда мнѣ кажется, что когда я сойду съ ума и меня повезутъ въ больницу, я стану на руки, захрюкаю и буду кричать.

— Да здравствуетъ Интернаціональ! Да здравствуетъ Храпкинъ!

Борисъ Мирскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

21 разрядъ.

Народный обычай раздѣлил всѣ похороны на разряды, и, если раньше седьмой разрядъ, при которомъ покойникъ самъ правитъ лошадьми, считался верхомъ бытовой изысканности, то теперь появился новый разрядъ, рѣшительно опередившій даже седьмой:

По Петроградской улицѣ въ Старомъ Петергофѣ двигалась съ вокзала погребальная процессія. Хоронили доктора А. Н. Морина.

Дойдя до Буерачнаго переулка, процессія остановилась, и гробовщикъ Щетниковъ вступилъ въ пререканія съ родственниками покойнаго, желавшими, чтобы колесница свернула въ переулокъ, дабы отслужить литію передъ домомъ усопшаго, находящимся на углу Овражной улицы и Буерачнаго переулка, на что гробовщикъ не соглашался, мотивируя свой отказъ недостаткомъ мѣста для поворота колесницы, хотя какъ улица, такъ и переулокъ были достаточно широки. Предложивъ затѣмъ родственникамъ нести гробъ на рукахъ, Щетниковъ подошелъ къ колесницѣ, отстегнулъ ремни отъ ручекъ гроба, снявъ и бережно сложивъ покровъ, сказалъ во всеуслышаніе: „Дальше не повезу, вотъ вашъ покойникъ; несите его съ Богомъ“. Съ этими словами Щетниковъ скинулъ гробъ на землю, при чемъ гробъ раскрылся и покойникъ выпалъ на мостовую. Не обративъ на это никакого вниманія, гробовщикъ подошелъ къ лошадямъ и вялъ одну изъ нихъ подъ уздцы, чтобы двинуться дальше. Сопровождавшій процессію протоіерей В. М. Воробьевъ, бывший въ полномъ облаченіи, возмущенный поступкомъ Щетникова, подошелъ къ нему, уговаривая его опомниться, въ отвѣтъ на что гробовщикъ ударилъ священника въ ухо и, сваливъ его на землю, началъ наносить побои, вырывая при этомъ волосы.

Похороны, при которыхъ гробовщикъ сбрасываетъ покойника, бьетъ по уху протоіерея, ссылаясь при этомъ на недостатокъ мѣста, должны быть

Рис. Н. Р.

отнесены не меньше, чѣмъ къ 21 разряду. Остается еще одинъ шагъ, чтобы покойникъ разозлился и побѣжалъ въ комиссаріатъ составлять протоколъ.

Договариваются.

Кто что, а „Народная Газета“ уже пошла въ открытую. Чего время-то зря терять:

А у меня на душѣ приятно... Возвращается старый строй, вѣроятно... Жандармы ужъ на мѣстѣ... Пылаютъ пламенемъ мести... Они теперь вамъ, братцы, покажутъ... Они все свяжутъ...

Что и требуется!.. Адью-сь!..

Еще хорошо, что только: адью-сь. Хуже могли бы сказать.

Веселыя утробы.

О томъ, насколько стѣснено населеніе столицы новымъ режимомъ, показываетъ хотя бы такой случай изъ хроники происшествій:

Ночью въ „Луна-Паркъ“ прибыла подвыпившая компанія, которая, занявъ открытую ложу въ ресторанѣ, продолжала кутежъ. Вскорѣ ресторанъ огласился пѣніемъ нѣмецкихъ пѣсенъ. Публика запротестовала, а журиры продолжали пѣніе. Въ садъ были вызваны милиціонеры, которые и арестовали компанію и отправили ее въ комиссаріатъ.

Если бы еще существовала „Правда“, она, навѣрное бы, горячо отозвалась на это возмутительное насиліе:

— Вчера агентами нашего империалистическаго правительства захвачены три интернаціоналиста, пѣвшихъ нѣмецкую пѣсенку. На какомъ же языкѣ пѣтъ, товарищи? И о чемъ пѣтъ: неужели же по-англійски и о проливахъ? Доколь?!

Работа на мѣстахъ.

Бываетъ очень весело, когда читаешь, что крупные земельные собственники объединяются на почвѣ любви къ Россіи. Не менѣе весело читать и о псаломщикахъ, объединившихся на такой почвѣ:

Въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ образовалась грабительская организація псаломщиковъ. Мѣстные благочинные получили письма слѣдующаго содержанія:

„Товарищъ благочинный, доводимъ до вашего свѣдѣнія, что если вы и подвластные вамъ іереи не согласятся на новый дѣлежъ церковныхъ доходовъ, то всѣ постепенно будете убиты. № 1. 5 июля 1917 г. Боевая организація городскихъ и сельскихъ псаломщиковъ“.

Еще хорошо, если эта организація не потребуетъ мѣста въ Учредительномъ Собраніи.

Вѣрный источникъ.

Въ газетахъ появилось объявленіе:

БУДУЩЕЕ

каждаго человека мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ 1 р. 50 к.

Не по этимъ ли картамъ за 1 р. 50 к. предсказываетъ „Рѣчь“ и ея подголоски непремѣнную и ничѣмъ неотвратимую гибель Россіи?

И. К. С. Р. и С. Д.

Чудасія, мосьпане.

Начальникъ тюрьмы официально доложилъ помощнику начальника главнаго тюремнаго управленія мѣстами заключенія М. М. Исаеву о томъ, что заключеннымъ въ „Крестахъ“ большевикамъ многіе продукты, въ томъ числѣ различные консервы, доставляются отъ имени Исполнительнаго Комитета Сов. Р. и С. Д.

И совсѣмъ бы уже отмежевался Исполнительный Комитетъ отъ арестованныхъ большевиковъ — анъ нѣтъ, все-таки тонкая пуповина изъ консервныхъ банокъ связываетъ большевиковъ съ И. К.

Логично.

Временное Правительство постановило упразднить особый комитетъ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ.

Дѣйствительно, во-время.

Разъ нѣмецкое засилье прекратилось, чего жъ тамъ разговаривать.

Тонкая иронія.

Предсѣдатель украинскаго совѣта министровъ В. К. Винниченко, написалъ новую пьесу подъ назван.: „Зачумленные“. То-то вотъ и оно.

Марс: — Ну, братцы, только уж не хватайте так жадно малютку — еще разорвете...

Красота — это страшная сила.

У министра Чернова есть не только враги. Есть и горячие защитники.

„Русское Слово“ сообщает:

Мы сами слышали, как на одной из лекций г. Чернова какая-то акушерка (правда, далеко не первой молодости) в порыве восторга сказала по адресу лектора:

— Какой красавец!..

Благодарная платформа. При избирательной кампании все-таки лишние голоса прекрасной половины рода человеческого обеспечены.

Гениальная мѣра.

Придумали:

Феодосія. В совете рабочих депутатов заслушано было сообщение, что на некоторых фабриках не является на работы до 1/3 рабочих, вследствие чего производство на этих фабриках падает.

Совет постановил принять решительные меры против манкирования, устроить специальные митинги.

Итак: для того, чтобы не манкировать работой — идите на митинги. Схватили быка за рога.

Правда, есть пословица — чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчишь... Но если человек ушибся, скажемъ, о дерево — не может же онъ смазывать ушибленное мѣсто именно этимъ деревомъ...

Простое рѣшеніе запутаннаго вопроса.

Стеариновые рабочие поступают еще проще своих феодосійских товарищей:

Англичане, стояще во главе правления Невскаго стеариноваго товарищества, обратились къ министру торговли со слѣдующей жалобой:

„Пусть будут социализированы все фабрики, заводы и т. д., но пусть это будет сделано по закону.“

Этого пока нѣтъ, и мы отказываемся поэтому держать рабочих на своей службѣ и платить имъ до 300 рублей въ мѣсяцъ, въ то время какъ они не являются на службу на заводъ, работая въ это время въ другомъ мѣстѣ.

При такомъ нарушении закона мы не имѣемъ права даже избавиться отъ такихъ служащихъ.

Странная система: и работать не хотятъ и уволить ихъ нельзя.

Такого рода рабочие — это, вѣроятно, новая равновидность подоходнаго налога для буржуевъ и капиталистовъ.

Догма не лошадь — на ней не поѣдешь.

Послѣ того, какъ изъ всего состава демократическихъ организаций 74% оказались с-р-ами, официальный органъ с-д. „Рабочая Газета“ философически разсуждаетъ:

Мы, социаль-демократы, всегда были самыми рѣшительными противниками народническихъ утопій.

„Врозь идти, вмѣстѣ бить“ — это старое правило нашей испытанной тактики мы должны хорошо помнить не только по отношенію къ партіямъ крупной и средней бжуазіи, но и по отношенію къ народническимъ партіямъ.

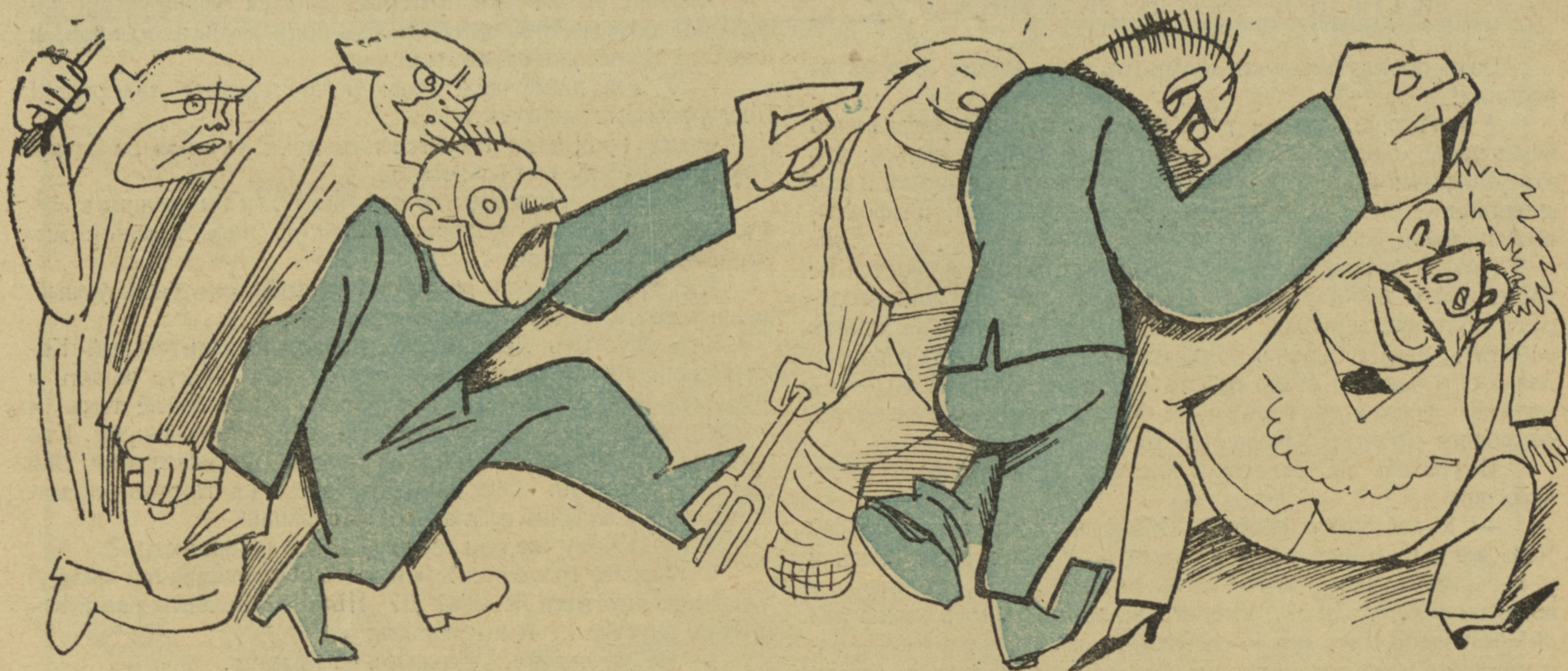
Странно только одно, что когда идутъ „врозь“ эсь-эры, они попадаютъ именно туда, куда надо, а с-д. остается только одна борьба съ народническими партіями. Этимъ уже въ 1906 году позанимались.

Больше не надо.

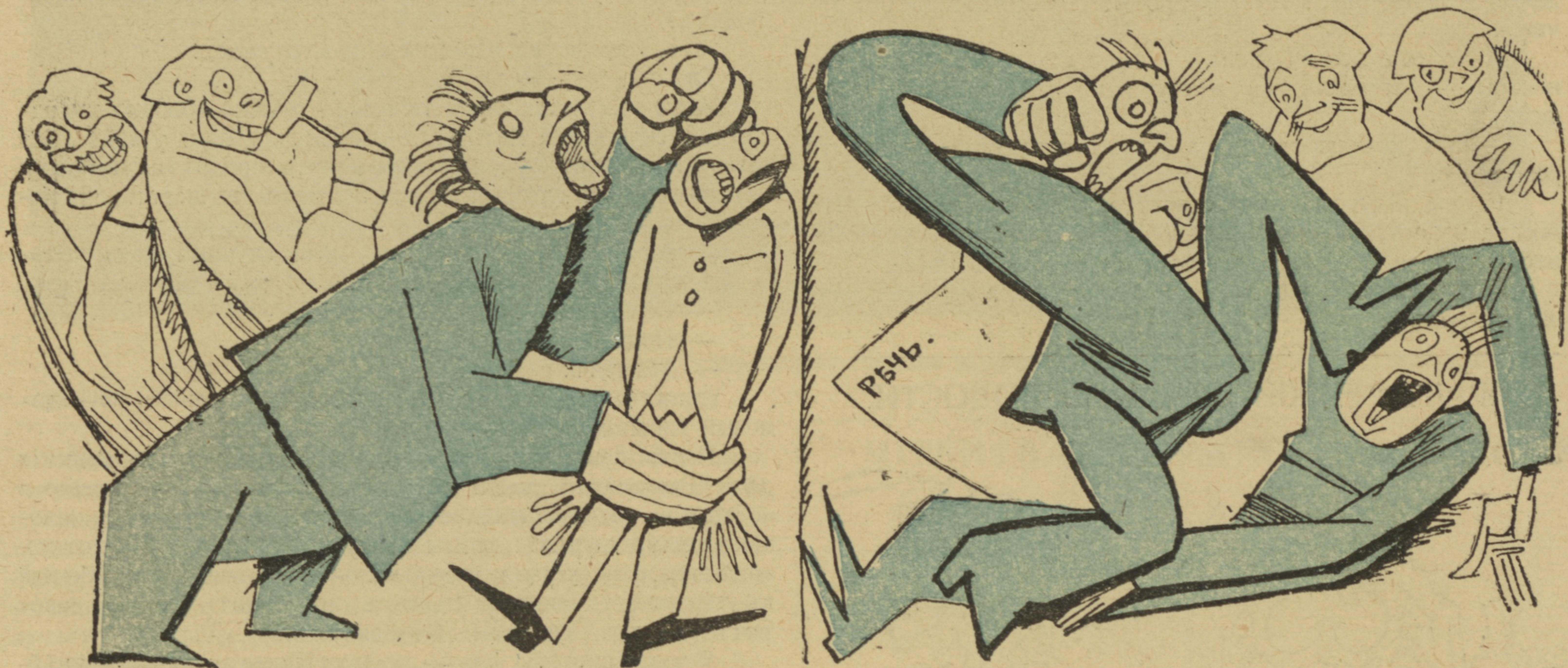
К А Л У Щ Ъ.

Нѣмецъ-фотографъ: — И еще говорятъ, что это русскіе дезертиры — дикари... Да эта самая талантливая труппа для производства картины „Русскія звѣрства“.

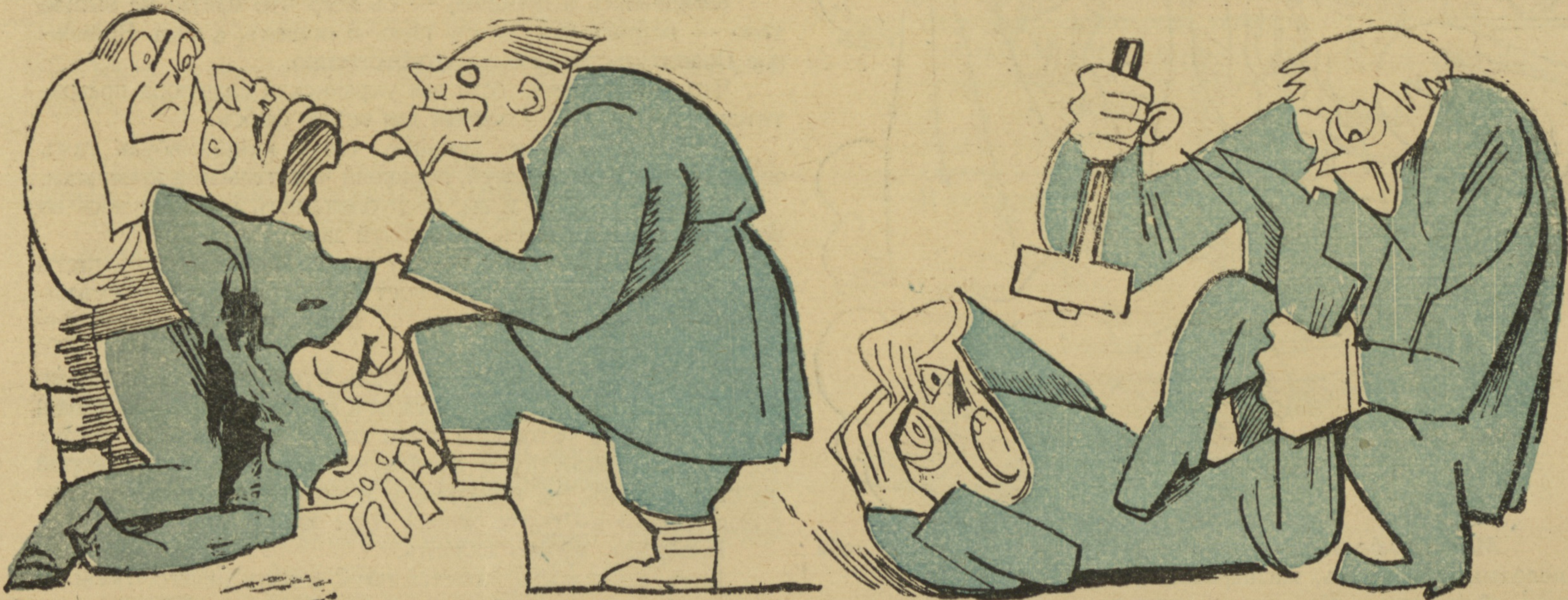
1) *Большевики:* — Мы сейчас найдем контр-революцию!

2) *Большевикъ:* — Надо бить буржуевъ!
Рабочій: — Правильно!
Солдатъ: — Правильно!

3) *Большевикъ:* — Надо бить тѣхъ, кто въ крах-мальныхъ воротничкахъ!
Рабочій: — Правильно!
Солдатъ: — Вѣрно!

4) *Большевикъ:* — Пойдемъ дальше: надо бить всѣхъ, кто читаетъ „Рѣчь“!
Рабочій: — Вѣрно!
Солдатъ: — Правильно!

5) *Рабочій и солдатъ:* — Всѣхъ перебили? Никого не оставили? Ну, а теперь вали, ребята, бей большевиковъ!!

КОГДА МНѢ ЖАРКО.

Вот проклятыя мухи: кусаются, какъ волки. Чтобъ вы подошли!

А тутъ еще жара, а тутъ еще пыльно. Петроградская наша такая каверзная дрянь, что сидишь и диву даешься: кто это ухитрился въ одно мѣсто нагнать столько дураковъ и мошенниковъ? Девяносто девять сотыхъ тунеядцы, альфонсы, взломщики и идейныя тупицы.

Ничего нельзя достать... Бѣлый хлѣбъ встрѣчается не чаще, чѣмъ сто-каратовый бриллиантъ, за сапожишки дерутъ полтора рубля, — а все почему? Никто не хочетъ работать, какъ слѣдуетъ. Добились восьмичасоваго рабочаго дня и отъ радости стали работать четыре часа. И то — въ недѣлю. Будь я докторъ, — я бы всѣхъ этихъ тунеядцевъ отказался лѣчить. Очень просто.

И именно на основаніи ихняго же 8-часоваго рабочаго дня.

— У васъ что болитъ? Жизньотъ схватило? Холера? Чего же вы ко мнѣ лѣзете ночью?! У меня тоже, какъ и у васъ, 8-часовой рабочій день: отъ 9 до 5, съ перерывомъ на обѣдъ. Что? Умереть можете? А мнѣ какое дѣло? Сейчасъ вонъ вся Россія изъ-за васъ умираетъ, — однакоже вы и часомъ лишнимъ для работы на пользу Россіи не поступите. Такъ мнѣ-то чего же изъ за васъ свой отдыхъ ломать?

Не правъ я? Правъ. Сейчасъ мы всѣ — тотъ же докторъ, у постели тяжко больной Россіи толчемся. И если мы ее только 8-ю часами небрежнаго лѣниваго труда лѣчить будемъ, — скоро она, матушка, протянетъ ноги отъ такого лѣченія.

А то еще завели моды, — даже самые первѣйшіе министры — твердить къ мѣсту и не къ мѣсту преглупую фразу:

— Мы должны стоять на стражѣ революціи. Спасайте революцію.

Россію вы, голубчики, спасайте, а не революцію. Что она за цаца такая, ваша революція? Революція это болѣзнь, это жестокая лихорадка, которую переживаетъ Россія.

О спасеніи больной, милые мои, думайте, а не о сохраненіи лихорадки.

ПРАКТИЧЕСКІЙ ВРЕДЪ МОЛОДОСТИ.

Рис. В. Радлова.

Мѣфистофель: — Хочешь, Фаустъ, я сдѣлаю тебя молодымъ, сильнымъ, жизнерадостнымъ человѣкомъ?

Фаустъ: — Съ ума ты сошелъ, что ли? Вѣдь я же ратникъ втораго ополченія...

Хороши тѣ доктора, которые тычутся близорукими лицами въ термометръ, вынутый изъ-подъ мышки больной, и шепчутъ встревоженными голосами:

— У нея лихорадка. Ради Бога, спасайте лихорадку! Поддерживайте лихорадку!

Опять проклятая августовская муха укусила за щеку. Такъ и цапнула, свинья этакая!

И, вообще, я думаю, что я лично былъ бы лучшимъ министромъ, чѣмъ тѣ, которые таскаютъ подъ мышкой министерскіе портфели.

Что требуется отъ министра? Чтобы онъ былъ умный, дальновидный, предусмотрительный.

Кто упустилъ Ленина? Я? Нѣтъ. Исполнительный Кока возьмите старые номера «Сатирикона» — кто вопилъ и кричалъ насчетъ Ленина? Министры? Какъ бы не такъ! Я вопилъ, я кричалъ. А они бродили, какъ слѣпая куры. Кто заговорилъ первый о желѣзной власти, о диктатурѣ? Они или я? Я первый. Они дошли до этого съ такимъ опозданіемъ, что и смѣшно и, главное — страшно.

Такъ почему же они министры, а я не министр?

Обождите, голубчики: исторія вамъ пропишетъ ижицу!

Кто упустилъ Ленина? Я? Нѣтъ. Исполнительный Комитетъ упустилъ. А я поворилъ:

— Не упускайте. Держите. Убѣжить.

И опять я скажу: почему меня не выбрали въ Исполнительный Комитетъ?

Вы скажете, что тамъ только рабочіе и солдатскіе депутаты.

Ну, что жъ такое! А я васъ спрошу: что лучше, штатскій умъ и проницательность или рабоче-солдатская близорукость?

Ахъ, какъ я разволновался, просто ужасъ.

Главное, мухи кусаютъ.

А вы замѣтили, какъ теперь не только голодно живетъ, но и скучно: на митингахъ уже скучно, лица у всѣхъ или злыя или тоскливыя, а карманы набиты продовольственными карточками, на которыя нельзя получить ни шерсти, ни молока.

И слова пошли какія-то все сѣрыя, скучныя, какъ пыльное департаментское дѣло въ синей обложкѣ за 1891 годъ.

— Комисаріатъ.

— Подрайонъ.

— Делегатъ.

Единственное есть краткое русское выраженіе и то — «домовый уполномоченный».

Потомъ мнѣ вотъ тоже еще не нравятся эти украинскія дѣла: Винниченко такой же писатель, какъ и я — однако я не лѣзу въ гетманы и не сочиняю универсаловъ, а тутъ чело-вѣкъ прямо сдурѣлъ: хохлы плачутъ, упираются, не хотятъ отдѣляться, не хотятъ учить мало-культурный, полузабытый въ городахъ украинскій языкъ, а онъ тащитъ ихъ за шиворотъ: учитесь, анаемы! Отдѣляйтесь!

Я такъ смотрю, что — препустѣйшее и преничтожнѣйшее существо этотъ Винниченко.

А наше Правительство, не освѣдомившись даже у кроткихъ покладистыхъ малороссовъ, — хотятъ ли они сами этого отдѣленія? — бухъ въ колокола!

— На, милъ чело-вѣкъ! Забирай себѣ всю Украину! Владѣй, Фаддей, моей Маланьей.

Винниченкѣ я прощаю, — съ него что взять: не вышло дѣло — встряхнулся, да съ тѣмъ и пошелъ, а вѣдь Временное Правительство оно, — отвѣтственно.

Что оно запоетъ, если вся украинская авантюра превратится въ глупѣйшій, стыдный для всѣхъ фарсъ?

И, пожалуйста, не думайте, что я какой-нибудь тамъ черносотенецъ или буржуй, попившій читательской кровушки.

Такой же, какъ и вы, республиканецъ и разбираюсь во всемъ не хуже многихъ, а пожалуй даже и лучше...

Да! забылъ совсѣмъ: почему это почта у насъ работаетъ такъ позорно, что вся Россія воетъ? Это вамъ тоже восьмичасовой рабочій день? Вотъ... дали людямъ свободу: отблагодарили, нечего сказать...

А, проклятая! Въ самый глазъ куснула! Вы замѣтили, какая сейчасъ продается бумага отъ мухъ? Если даже хилая, умирающая отъ истощенія муха сядетъ на мушиный листъ, то, посидѣвъ минутку и объѣвъ какую-то штуку, которой листъ вымазанъ, — вспорхнетъ и полетитъ, веселая и здоровая дальше — будто живой воды хлебнула.

Изобрѣли, нечего сказать.

Вотъ, напимѣрь, хочется пить, а пить нечего. Пили вы когда-нибудь петроградскую фруктовую воду? Дѣлается она такъ:

Дезертиръ: — А вѣдь, собственно говоря, чѣмъ скорѣе бѣжишь за землей въ тылу, тѣмъ больше ее пропадаетъ на фронтѣ.

Профессиональный отравитель, избѣжавшій благодаря хитрости и подлогамъ народнаго самосуда, беретъ бочку тухлой воды, выбрасываетъ захлебнувшихся въ ней распухшихъ крысъ и, вливъ полведра скишей патоки, взбалтываетъ, послѣ чего эта «фруктовая вода» разливается по посудинамъ. Хотя она и не газирруется, но при питьѣ получается шипѣніе. (Шипитъ отравившійся потребитель).

Съ одной стороны жажда, съ другой то, что упустили Ленина, — все это дѣлаетъ мое міроощущеніе совершенно невыносимымъ.

Я все предсказывалъ: и экономическую разруху, и 3-го іюля, — почему же меня не хотѣли слушать? Это не штука, что теперь уже, постъ-фактумъ, подстилаютъ соломку на мѣстѣ совершившагося паденія. Ты, братъ, подстилай раньше... А то...

* * *

Нѣтъ, не могу! Позову горничную: пусть она дѣлаетъ съ мухами, что хочетъ.

* * *

Что значитъ простой житейскій умъ: взяла горничная полотенце — выпнала въ окно всѣхъ мухъ.

Очень мило. И благодаря открытому окну — прохладно сдѣлаюсь.

Что же касается утоленія жажды, то вотъ: въ большой бокалъ выдавить лимонъ, немного сахару, 2—3 куска льду и чистой воды. Просто, но пріятно до чрезвычайности.

Нѣтъ-съ, голубчики: не такая страна Россія, чтобы погибнуть! Выплывемъ. Въ худшихъ положеніяхъ бывали, выкручивались. Господи! Пока существуетъ брилліантовая роса на изумрудной травѣ, пока въ небѣ блещутъ рубины и опалы, пока есть на свѣтѣ море, пахнущее солью и іодомъ — чего намъ вѣшать носы? Развѣ дѣвушки перестали цѣловать насъ свѣжими, какъ лепестки сирени, губами? Развѣ исчезнуть изъ нашихъ библіотекъ благоуханныя книги?

А главное, — скоро мухи подохнутъ.

Арк. Аверченко.

МОЛИТВА ДОБРАГО БУРЖУА.

Для спасенія нашихъ кассъ,
Нашихъ прибылей и насъ,
Просвѣти сознание массъ,
Господи!

Докажи, какъ дважды два,
Что на сладкій кусъ права —
Достоянье буржуа,
Господи!

А иной крещеный людъ
Недостойнъ тонкихъ блюдъ,
И его отрада — трудъ,
Господи!

Вѣдь коль скоро людъ пойметъ,
Что польни слаще медъ —
Пчельникъ онъ себѣ возьметъ,
Господи!

Будетъ самъ блости рои,
Сочныхъ сотъ ломать слои
И въ карманы класть — свои,
Господи!

Мы жъ, безъ вкладовъ и безъ рентъ,
Кончимъ жизнь свою въ моментъ,
Угодивъ подъ монументъ,
Господи!

Вѣдь нигдѣ и никогда
Не вкушали мы труда;
Ждетъ насъ лютая бѣда,
Господи!

Для спасенія нашихъ кассъ,
Вкладовъ, рентъ и грѣшныхъ насъ
Затемни сознание массъ,
Господи!

Василій Князевъ.

Рис. В. Лебедева.

— Ахъ, если бы этотъ человекъ по вечерамъ не вылезалъ изъ воды, я бы могъ сказать, что и при переполненіи всегда можно найти спокойное мѣсто для отдыха.

ИЗЪ ОКНА.

Тоска и скука надъ дворами...
Расположившись на окнѣ,
Кухарка цѣлыми часами
Поетъ о чайкѣ и веснѣ.
Нахмурились внизу карнизы,
Старинную таятъ печаль, —
И небосклонъ, отъ дыма сизый,
Виситъ, какъ пасмурная шаль...
Тамъ, въ комнатахъ, въ туманѣ бѣлой,
Въ углахъ сгущающейся мглы
Остаться жутко, — что же дѣлать?
Пугаютъ пыльные чахлы
На мебели, давно знакомой,
Но вдругъ внушившей острый страхъ, —
И вотъ, борясь съ тяжелой дремой,
Она о разныхъ пустякахъ
Съ сосѣдкой горничной судачитъ,
И съ ними заодно, какъ воръ,
Поэтъ, оставшійся безъ дачи,
На тотъ же узкій смотритъ дворъ:
Гитара прозвенить уныло, —
Онъ вспомнитъ юношескій пылъ,
Пойметъ, что частью ужъ остыло
То, чѣмъ онъ чувствовалъ и жилъ;
Хоть и увидитъ въ синей глуби
Оконныхъ утреннихъ озеръ,
Что возрождаетъ, а не губитъ
Ихъ сѣверный, спокойный взоръ,
Чуть золотящійся въ лимонныхъ,
Мелькнувшихъ въ высотѣ лучахъ,
Такъ связанныхъ съ мечтой о сонныхъ,
Давно забытыхъ островахъ,

Гдѣ въ рощахъ распѣвають пѣсни,
Ведутъ веселый хороводъ,
И день, чѣмъ дальше, тѣмъ чудеснѣй
Расцвѣченный возноситъ сводъ;
Прибой немолчный, вѣчно юный,
Вѣтровъ шипящія пути,
Отвѣсы скаль и дюны, дюны, —
Нѣжнѣе дѣвичьей груди!
Онъ смотритъ — и глаза, какъ свѣчи,
Движенья рѣзки и легки,
Шумъ, пѣсни, пляски, рѣчи, рѣчи,
Журчанье радостной рѣки.
Прозрачны ткани, дѣти голы,
Уродовъ, злыхъ, несчастныхъ нѣтъ.
Шумъ безпечальный, шумъ веселый,
Восторгъ восьмого дня планетъ!
И подъ сонливый рокотъ Домны
Усталый, одряхлѣвшій міръ
Синѣй и шире, и огромнѣй,
И безпредѣльнѣй, чѣмъ эфиръ.
Тамъ кипень облаковъ надъ моремъ
Въ трепещущемъ встаетъ огнѣ...
Очнулся — смотритъ: тотъ же дворикъ,
Кухарка та же на окнѣ.
Онъ никнетъ головой усталой,
Готовъ проклясть свою тюрьму,
Его тревожитъ отблескъ алый,
И тщетно хочется ему
Поймать за хвостъ души дрожанье,
Понять теченье здѣшнихъ сновъ,
Завлечь и ночь, и дворъ, и зданья
Въ ограду тѣсную стиховъ.

А. Дэви.

ПАКОСТНИКЪ.

I.

Жилъ былъ поэтъ Бородавкинъ. И писалъ поэтъ Бородавкинъ (въ 1905 году):

«...въ одиночной камерѣ, на холодномъ, каменномъ полу лежала прекрасная, обнаженная дѣвушка. Маленькія, стройныя ноги ея были безчеловѣчно скручены грубыми, сыромятными ремнями, руки выворочены назадъ, а роскошныя,

золотыя косы намотаны на пухлый, веснучатый жандармскій кулакъ.

Одинъ за другимъ ложились на трепещущее тѣло ея удары нагайки. Одна за другою взбухали и безобразили ея нѣжно-молочное тѣло багровыя, страшныя полосы.

И, словно капельки алой росы, выступала на истерзанныхъ пребняхъ ихъ дѣвичья нѣжная кровь...»

II.

Жилъ былъ поэтъ Бородавкинъ. И писалъ поэтъ Бородавкинъ (въ 1914 году):

БУДУЩІЙ КОНЕЦЪ УДАЧНОЙ КАРЬЕРЫ.

Рис. Н. Радлова.

Бурцевъ: — Ага, послѣдній преступникъ пойманъ...

— А это сще кто въ зеркалѣ? Смотришь, голубчикъ?... Ага, ты у меня не уйдешь...

— Р-разъ...

— Попался? Иди, иди... Помни, что ты съ Бурцевымъ имѣешь дѣло...

Первый покойникъ: — Вы знаете, товарищъ-мертвецъ, не то страшно, что я умеръ, а меня беретъ ужасъ — вдругъ и въ загробной жизни придется бывать на митингахъ, голосовать — выражать недовѣріе...

«... а на кухнѣ разграбленной фермы, на холодномъ, каменномъ полу, лежала прекрасная обнаженная дѣвушка. Маленькія, стройныя ноги ея были безчеловѣчно скручены грубыми, сыромятными ремнями, руки выворочены назадъ, а роскошныя, золотыя косы намотаны на пухлый, веснучатый кулакъ прусскаго вахмистра.

Одинъ за другимъ ложились на трепещущее тѣло ея удары... и т. д.

III.

Жиль-быль поэтъ. И писалъ поэтъ Коровкинъ (въ іюль 1917 года):

«... а на широкой бѣломраморной верандѣ захваченнаго анархистами графскаго лѣтняго дворца лежала прекрасная, обнаженная дѣвушка...

И — такъ далѣе, вплоть до:

«Роскошныя, золотыя косы ея были намотаны на пухлый веснучатый большевикско-анархистскій кулакъ...»

И прочая, и прочая.

Этимъ бы пухлымъ веснучатымъ кулакомъ да по поэтической Бородавкинской головѣ!

Не пакостничай!

В. Кн.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Ноздревъ, бывало, вретъ, вретъ, да и проврется такъ, что всѣмъ окружающимъ стыдно станеть. Вдругъ, напримѣръ, расскажетъ, что у него была лошадь розовой или голубой масти.

Этого Ноздрева немного напоминаетъ „Синій Журналъ“. Среди „людей, питающихся стекломъ“, „собакъ о восьми ногахъ“ и лисицъ съ гусиной головой“, въ № 23 неожиданно вынырнулъ „самый маленький человекъ въ свѣтѣ“:

Несомнѣнно, что въ настоящее время самымъ маленькимъ человекомъ на свѣтѣ является Франсуа-Фернандъ Перець. По происхожденію испанецъ, онъ постоянно проживаетъ въ провинціи Замора, гдѣ и родился, ему теперь пошелъ двадцать второй годъ, и веситъ онъ всего навсего 223 фунта.

Именно что — всего-навсего.

Если у „Синяго Журнала“ карлики вѣсятъ 223 фунта, т. е. больше 5½ пудовъ, то обыкновенный нормальный человекъ, по мнѣнію „Синяго Журнала“, долженъ вѣсить никакъ не меньше ста пудовъ.

* * *

Маріэтта Шагинянь смѣшала „Русскую Волю“ съ „Задумевнымъ Словомъ“ для младшаго возраста.

Вотъ что она просюсюкала въ „Русск. Волю“ по вопросу о томъ, что прислуга тоже человекъ (ново! Впервые проѣздомъ въ нашемъ городѣ!):

Человекъ не есть Марья, Иванъ и Трофимъ. Въ Марья, Иванъ и Трофимъ, такъ же какъ и въ насъ съ вами, — выражается человечность, и мы должны чувствовать и видѣть эту человечность вопреки всему остальному.

Читаешь и плачешь отъ умиленія:

— Ахъ, какъ это все вѣрно!

И дальше рассказываетъ Шагинянь милымъ сопливымъ дѣткамъ изъ „Русской Воли“:

Вы прежде всего должны увѣривать въ нихъ настолько, чтобы уважать ихъ, какъ самое себя. Не обвиняйте мысленно вашей прислуги, когда у васъ пропадаетъ гребенка или колечко, — только потому, что она прислуга. Вѣдь не подумаете же вы, что украла ихъ у васъ княгиня X или тетушка игрекъ? Ну вотъ, попытайтесь искренно внутренне увѣривать, что тетушка игрекъ и горничная Люба — это все равно.

Постараемся же и мы, въ благодарность за эти цѣнныя свѣдѣнія расширить кругозоръ М. Шагинянь: 1) Лошади ѣдятъ овесъ 2) Волга впадаетъ въ Каспійское море.

* * *

Человекъ, который читаетъ журналъ „Весельчакъ“, не пропадетъ Лучшее общество распахнетъ передъ нимъ двери, если онъ будетъ шеголять остротами изъ „Весельчака“...

Въ № 28 нарисована купальщица на плоту, а около нея въ водѣ купальщикъ.

Подпись:

— Позвольте и мнѣ влѣзть на плотъ?

— Зачѣмъ?

— Я вообще поклонникъ плотской любви!

Этотъ плотъ хорошо бы вытащить на сухое мѣсто, положить на него редактора, да высѣчь такъ, чтобы онъ долго не могъ сѣсть не только на плотъ, но и вообще на свое редакторское мѣсто.

С О Н Ъ.

Я видѣлъ сонъ мучительный и странный,
Что я... что я уже не гражданинъ,
Что воли свѣтъ былъ только сонъ обманной:
Онъ поманилъ землей обѣтованной,
И нѣтъ его... исчезъ онъ... Я одинъ
Въ сырой тюрьмѣ — въ уныломъ казематѣ
Лежу и слышу: гдѣ-то часовой
За дверью ходитъ... звуки, словно въ ватѣ.
Заглушены... Я скрипнулъ на кровати
Желѣзной. Всталъ. «Я брежу? Что со мной?»
Шепчу впотьмахъ... Иду къ глазку дверному...
Прильнулъ. Смотрю: солдатикъ со штыкомъ
Идетъ къ глазку... такой простой, знакомый...
«Товарищъ! Другъ! Скажи мнѣ, гдѣ я? Дома?»
Кричу ему... Товарищъ сапогомъ
Ударилъ въ дверь и крикнулъ зло-сурово:
«Я дамъ тебѣ товарищъ! Прочь отсель!
Намъ говорить не вѣлно ни слова...»
И заходилъ по коридору снова...
Я легъ въ тоскѣ на голую постель, —
Закрывъ лицо дрожащими руками
И застоналъ... нѣтъ, горестно завывъ...
Я сердце жегъ горячими слезами...
А часовой желѣзными шагами
Всю ночь, глуша ихъ ватой, ходилъ...

Филаретъ Черновъ.

Редакторы: { Арк. Буховъ.
А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириколъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги: Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.

Цѣна 2 рубля

Томъ 3-й. Чортова дюжина.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —

Аркадій Аверченко.

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальные выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральной крысы.

Человѣки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятіе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія.

Цѣна каждого выпуска — 20 коп. == Книготорговцамъ — скидка обычная.

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ.

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л.

Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ: А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера.

Дсиховый колъ на могилу зеленого змія.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Меплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ).

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Письмовникъ „Новаго Сатирикона“.

(Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Физиологія и ахатомія человѣка.

(Съ приложеніемъ психологіи человѣка.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Всеобщая исторія, обраб. сатириконцами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вѣстникъ знахія „Новаго Сатирикона“.

(Оккультныя науки. Энциклопедическій словарь. Хрестоматія для дѣточекъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

5-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб., съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 1 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Б О Я З Н Ъ З А С В О Ю Ш К У Р У .

Смертная казнь: — Странно! Большевики меня же вызвали къ жизни, и мнѣ же они выносятъ порицаніе.